

А.В.Марей

О БОГЕ И ЕГО НАМЕСТНИКАХ: ХРИСТИАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ

Александр Владимирович Марей — кандидат юридических наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); приглашенный преподаватель Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград). Для связи с автором: fijodalgo@gmail.com.

Аннотация: В статье исследуется концепция власти, разработанная в рамках христианской теологии поздней Античности и Средних веков. Проанализировав особенности современного дискурса о власти, автор приходит к выводу, что представители всех отраслей отечественного гуманитарного знания рассматривают власть исключительно в рамках волевой теории. Альтернативу этой теории он видит в концепции власти как упорядочивающей силы, восходящей к христианской теологии. Для христиан, начиная, по крайней мере, с апостола Павла, власть имеет трансцендентную природу, так как установлена Богом и исходит напрямую от него, по той же причине она всегда блага. Непредсказуемый порядок передачи власти от Бога правителю и непрогнозируемость Божественного решения делают власть не желанным призом, но бременем, от которого невозможно отказаться. Обязанность правителя в том, чтобы заботиться о душе своего народа и вести его шаг за шагом к спасению. Наградой за это служит вечное блаженство, которое праведно правивший монарх обретает после смерти. В заключительной части статьи дается краткий очерк теологического дискурса о власти в современной России. На основе анализа посланий патриарха Всемирному русскому народному собору, «Толкования на Послание к Римлянам» митрополита Илариона (Алфеева), а также ряда других источников автор показывает, что за последние восемь лет иерархи Церкви полностью отошли от темы власти, вплоть до того, что само слово «власть» практически перестало употребляться в их выступлениях, а если и используется, то в качестве синонима понятий «государство» или «государственная власть». Антиклерикальные же авторы, напротив, пытаются апроприировать и исказить апостольские высказывания о власти, приписывая Церкви чуждые ей интенции и наррации.

Ключевые слова: Церковь, власть, авторитет, государство, Августин, апостол Павел, Иоанн Златоуст

Практически любой исследователь, обращающийся к темам политической организации, проблемам различных форм сообществ, к образу правителя, не говоря уже об изучении государства, на определенном этапе приходит к необходимости разговора о власти. Что такое власть и какой она бывает? Какие ограничения накладывает на ученого обсуждение власти? Можно ли отождествлять понятия власти и господства, власти и авторитета, власти и доминирования? Эти и подобные им вопросы вынуждают исследователя, если он, конечно, добросовестен, пытаться концептуализировать власть, определить это слово или как минимум эксплицитно присоединиться к одному из уже имеющихся определений.

Традиция и терминология

¹ Валерий Ледаев обобщает эти попытки под именем волевой концепции власти и отмечает, что она преобладает в отечественной традиции. Ссылается он при этом на исследование Николая Кейзерова (Кейзеров 1973) и ряд диссертаций, защищенных во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов (Ледаев 2001; см. также Бурлацкий 1983; Куббель 1988; Шпак 2010). Аналогично власть определяется и в Толковом словаре русского языка под редакцией Дмитрия Ушакова — как право и возможность подчинять кого- или что-нибудь своей воле, распоряжаться чьими-нибудь действиями (Ушаков (ред.) 1935).

² См. Голосов 2001: 35—38; Крадин 2004: 87—90; Мельвилль и др. 2004: 59—64, 559.

³ См. Weber 1985.

⁴ См. Dahl 1957.

⁵ Кейзеров 1973: 16.

В русском языке понятие власти обладает весьма широким спектром значений, что делает разговор о нем особенно сложным. Единое конвенциональное определение власти, к которому апеллировали бы исследователи, желающие с ним работать, отсутствует, представители разных областей гуманитарного знания трактуют власть по-разному, зачастую *ad hoc*. Философы видят в ней одно, политологи и антропологи — другое, историки — по большей части третье, что в принципе актуализирует вопрос о том, можно ли пользоваться понятием «власть» как техническим термином при исследовании, или следует предпочесть ему некие синонимы, определяемые каждый раз ситуативно. Спасением могло бы стать обращение к переводной традиции, но и здесь в силу отсутствия единого понятийного поля дело обстоит совсем не так хорошо, как хотелось бы.

Для учебных пособий и энциклопедических словарей по политологии, антропологии и философии (то есть для того рода изданий, где по идее должно содержаться некое принимаемое всеми по умолчанию знание) характерны определения двух видов. Это либо попытки описать власть через ее волевую составляющую¹, либо фактический отказ от собственного определения в пользу более или менее солидной подборки переводных дефиниций, обычно принадлежащих представителям англосаксонской и изредка французской политологических школ². В обоих случаях, впрочем, акцент, как правило, делается на сути власти как возможности заставить одного человека поступать согласно воле другого. Для политических антропологов (Лев Куббель, Николай Крадин) более характерна приверженность классической формуле власти, предложенной Максом Вебером³, для политологов (Андрей Мельвилль, Григорий Голосов и др.) — определению Роберта Даля⁴.

В отечественной политической философии и политической теории попытки представить целостную концепцию власти предпринимались периодически. Во второй половине XX в. наиболее влиятельной оказалась трактовка, предложенная Кейзеровым, определявшим власть как «волевое отношение», в рамках которого ее носитель обеспечивает «выявление и доминирование властной воли»⁵. Примерно в тех же

⁶ Бурлацкий 1983. См. также диссертацию Николая Осадчего, трактующего власть сопоставимым образом (Осадчий 1983).

⁷ См. Аникевич 1986; Гвоздкова 1990; Плотникова 1996; Хомелева 1996.

⁸ См. Ледаев 2001: 73.

⁹ Халипов 1997.

¹⁰ Ледаев 2001.

¹¹ Там же: 268.

¹² Там же: 273.

¹³ Филиппов 2016b.

терминах позднее описывал власть и Федор Бурлацкий⁶. Перестройка, распад СССР и политические бури 1990-х годов спровоцировали резкое повышение интереса к проблематике власти вообще и политической власти в частности, что нашло отражение в целом ряде работ, вышедших в период с конца 1980-х до конца 1990-х годов⁷. Однако практически все эти работы отличались поверхностностью терминологического анализа и некритическим отношением к языку в целом и, определяя власть как волевой феномен, ограничивались этим, отказываясь от дальнейшего ее обсуждения⁸. Тогда же, в 1997 г., вышел «кратологический» словарь Вячеслава Халипова⁹, который предельно коротко можно квалифицировать как неудачный проект. Недостаток аналитического мышления автор решил компенсировать избыточной эмоциональностью, что, как и следовало ожидать, положительного результата не имело и иметь не могло.

Качественно иным предстает вышедшее в 2001 г. исследование Ледаева «Власть: концептуальный анализ»¹⁰. Анализируя власть, Ледаев определяет ее как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями»¹¹. Правда, при этом, различая власть и господство и даже настаивая на автономии понятия власти, он в известной мере уподобляет власть и авторитет, характеризуя последний как одну из форм власти¹², что, на мой взгляд, не совсем верно. Стоит отметить и еще одну черту концепции Ледаева, сближающую его с целым рядом других исследователей, от Кейзерова до Крадина и Голосова: она базируется на знании о власти, восходящем к англосаксонской и отчасти французской традициям конца XIX — начала XXI в., игнорируя более раннюю традицию размышлений о власти.

Наконец, в последние два года к проблематике власти обратился Александр Ф. Филиппов. Его проект, на сегодняшний день включающий в себя серию семинаров, проводимых совместно с интернет-журналом «Гепфер», и ряд рукописей, еще не завершен, и говорить о его финальных результатах пока рано. Однако уже сейчас можно зафиксировать несколько существенно важных особенностей понимания власти Филипповым.

Первая из них — это, несомненно, трактовка власти как «отношения между людьми, которое наиболее внятнм образом проявляется в виде повеления, которому соответствует, на стороне повинующегося, подчинение. Повеление и повиновение произвольны, воля есть с обеих сторон. Власть — это не событие повеления, а возможность, ожидание того, что подчинение будет иметь место, если состоится приказ»¹³. Кажется бы, эта дефиниция близка к определению, приводимому в Толковом словаре Ушакова и перешедшему оттуда в некоторые из упомянутых выше исследований. Но сходство это сугубо внешнее, и исследование Филиппова, бесспорно, представляет собой одно из самых глубоких в отечественной мысли проникновений в суть феномена власти.

Вторая особенность — это постулат о неизбывной и подчеркнутой историчности теорий власти, которые возникают и развиваются

¹⁴ См. Филиппов 2016а.

лишь тогда, когда на них возникает запрос со стороны общества или, по крайней мере, его образованной части¹⁴. Данный постулат, в свою очередь, легитимирует ограничение материала, привлекаемого Филипповым для построения своей концепции. Как и другие отечественные исследователи, он не использует наследия античной и средневековой политико-правовой традиции. Вместе с тем, в отличие от многих из них, он отдает предпочтение не современной англо-американской традиции, а раннемодерной мысли о власти, представленной Томасом Гоббсом. Безусловно важен для концепции Филиппова и Вебер, влияние которого проявляется прежде всего в четком разграничении между понятиями мощи (Macht), господства (Herrschaft), авторитета (Autorität) и насилия (Gewalt), представляющими разные грани власти, но не исчерпывающими всего ее содержания.

Подводя промежуточные итоги, можно выделить несколько общих точек, позволяющих говорить о рефлексии власти на постсоветском пространстве как о едином культурном феномене. Власть в рамках этого дискурса неизменно трактуется как intersubjectное отношение, обладающее теми или иными характеристиками. Незыблемым остается и тезис о ее субъективной природе и принадлежности сугубо человеческому обществу. Подобное ограничение может быть связано с тем, что в основу современного знания о власти кладется система знания эпохи Модерна. Самым ранним мыслителем, привлекаемым исследователями, оказывается Гоббс, творивший, как известно, в середине XVII столетия. Некоторые авторы, правда, апеллируют и к классической греческой традиции от Гесиода до Аристотеля¹⁵, но эти отсылки выглядят вторичными и не имеют принципиального значения для авторских концепций. Объяснить это можно двумя ключевыми моментами.

¹⁵ См., напр. Мельвиль и др. 2004: 59–60.

Во-первых, вся система модерного гуманитарного знания, выстроенная на идеалах Просвещения, подразумевает, что то знание, о котором стоит говорить, создавалось либо в эпоху Античности, либо уже в Новое время, тогда как в Средние века наблюдался глубокий провал в гуманитарной и тем более естественнонаучной областях. Данная презумпция начала пересматриваться и подвергаться критике как в России, так и за рубежом лишь в последние два-три десятилетия. Однако подобные процессы всегда долговременны, и ждать быстрого изменения парадигмы гуманитарного знания, разумеется, не приходится.

Во-вторых (и эта причина носит более приземленный характер), отечественный дискурс о власти во многом строится на доступной иностранной литературе, как переводной, так и оригинальной. Между тем нетрудно заметить, что в массиве политических и политико-философских переводов, опубликованных за последние 30 лет, решительно преобладают труды если не наших современников, то классиков политической и философской мысли XX в. Вебер, Карл Шмитт, Ханна Арендт, Бертран де Жувенель, Александр Кожев, Никлас Луман, Толкотт Парсонс, Пьер Бурдьё, Мишель Фуко, Роберт Даль и т.д. — все они жили и творили в прошлом столетии. Качественных же переводов на русский

язык источников более раннего времени, в особенности средневековых, почти нет. В результате круг потенциальных исследователей средневековых представлений о власти оказывается ограничен теми, кто способен читать оригинальные латинские тексты.

Собственно говоря, в этот круг попадают в основном историки, принадлежащие к цеху медиевистов, то есть специалистов по истории средневековой Европы. В их среде, как и среди философов, мода на изучение политической власти возникла в первой половине 1990-х годов и относительно гармонично развивается по сей день (в конце концов, эти строки пишет тоже историк). Однако практически все авторы, обращаясь к проблематике власти в средневековом мире, ограничивают свои исследования конкретным регионом и периодом, а также, как правило, какой-то отдельной гранью властных отношений — чаще всего той, которую принято называть «репрезентацией власти» или, что более точно, «политическим символизмом»¹⁶. В некоторых случаях само понятие власти напрямую отождествляется с ее репрезентацией. Так, например, Олег Ауоров в недавно опубликованном исследовании королевской власти у вестготов заявляет, что «ныне, в эпоху всеобщего господства PR-технологий, кажется, уже нет смысла доказывать очевидную истину: власть — это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании. Именно поэтому репрезентация власти — ключевое условие ее бытия: там, где власть не обозначена символически, она как бы и не существует и, наоборот, там, где присутствует символ, власть проявляется как бы сама собой»¹⁷.

Временное и пространственное ограничение объекта изучения типично для квалифицированного исторического исследования. Историк работает с источниками, происходящими из того или иного региона, укорененными в конкретном историческом периоде. Это, в свою очередь, приводит к четкой локализации получаемых выводов и создает иллюзию их «замкнутости», а точнее, «разомкнутости» относительно других. Попытки преодоления подобной «разомкнутости», выстраивания рядов сопоставлений хотя и признаются необходимыми для историков, занимающихся проблемами политического символизма (и, шире, политической истории и истории власти *per se*), сопряжены с риском утратить видение индивидуального, увлекшись поиском общего (в чем историки иногда упрекают своих соседей по цеху — антропологов)¹⁸. Думаю, что эта боязнь широких обобщений и стала одной из причин малого внимания, уделяемого отечественными медиевистами работе с абстрактными понятиями, к каковым, без сомнения, относится «власть», и, как следствие, сужения исследовательского взгляда, перевода его с власти как таковой на какую-то из ее граней или внешних воплощений. Возможно, свою роль играет и распространенное представление, будто работа с абстрактными понятиями и сущностями подобаает скорее философу, нежели историку, добычей которого должны быть главным образом «факты».

Более того, если медиевисты все же прибегают к определению власти, то, как правило, используют одну из классических формулировок

¹⁶ О понятии «политический символизм», его отличии от «репрезентации власти», «политической символики» и т.д. см. Бойцов 2009: 13—21.

¹⁷ Ауоров 2017: 40. Ср. сходное по смыслу заявление Михаила Бойцова в его программной статье «Скромное обаяние власти»: «Власть без „облика“ не функционирует и даже попросту не существует» (Бойцов 1995: 37). Впрочем, в более поздней монографии Бойцова (Бойцов 2009) столь обязывающих высказываний уже нет.

¹⁸ Об этом см. прежде всего Бессмертный 1995: 8—10. См. также Бойцов 1995: 38, 2009: 18.

в рамках описанной выше волевой концепции. Классическим примером здесь является статья «Власть правителя», написанная Бойцовым для «Словаря средневековой культуры», вышедшего под редакцией патриарха отечественной медиевистики Арона Гуревича. Открывая статью, Бойцов определяет власть как «комплекс разнообразных межчеловеческих отношений, приводящих к наделению отдельных личностей, групп людей, организаций или сообществ способностью навязывать свою волю другим и управлять их действиями, применяя при необходимости те или иные формы принуждения»¹⁹. Будучи, безусловно, верным, данное определение обладает одним серьезным недостатком — оно порождено модерной культурой и описывает восприятие власти, характерное для Нового и Новейшего времени. Соответственно, принимая его за основу, автор вынужденно смотрит на власть средневекового правителя через современную оптику и видит в ней не то, что видели люди Средних веков. Анализ в итоге получается подробным и интересным, но едва ли адекватным той средневековой культуре, которой вроде бы посвящена статья.

¹⁹ Бойцов 2003: 78.

Более продуктивным, на мой взгляд, было бы рассмотрение основных, модельных дискурсов о власти, тех способов и форм разговора о ней, которые определили всю средневековую политико-теоретическую культуру. Таких дискурсов я, вслед за Пьетро Коста²⁰, выделил бы два: богословский и юридический. (Впоследствии на их стыке зародился и третий, философский, но это было уже позднее, в первой половине XIV столетия.) Дело в том, что в отличие от «представлений о власти», распространенных во всем средневековом обществе и разнившихся в зависимости от принадлежности к той или иной социальной страте, само понятие власти, по моему глубокому убеждению, ковалось в рамках высокой культуры. Поскольку подробный разбор всех трех дискурсов заведомо не вписывается в формат статьи, в данном тексте речь пойдет только о христианском, богословском понимании власти, которое, впрочем, имело ключевое значение в сравнении с двумя другими. Объяснение этого превосходства настолько очевидно, что периодически нуждается в проговаривании — вещи, лежащие на поверхности, как известно, легче всего теряются и забываются.

²⁰ См. Costa 1969.

Все люди европейской культуры (а это тот случай, когда можно говорить и о латинской, и о греческой, и даже о славянской Европе) на протяжении многих веков жили в мире, интеллектуальные основы которого определялись Священным Писанием. Тенденции к изменению этой ситуации наметились — наметились, не больше! — только после изобретения Иоганна Гутенберга и начала эры печатной книги. Весь предшествующий период слово «книга» было синонимично слову «писание», и именно тексты Священного Писания обеспечивали общий культурный фон, тот, если угодно, колодец, из которого в одинаковой мере черпали и богословы, и юристы, и философы.

Теологический поворот²¹ См. Вис 1994.

В основе европейского богословского дискурса о власти лежат несколько фрагментов Священного Писания. Перечислять их все и подвергать подробному разбору представляется излишним, к тому же эта работа во многом была уже проделана до меня²¹, но несколько наиболее важных указать необходимо. Пожалуй, наиболее известный из них — стихи 1—2 из 13-й главы «Послания Павла к Римлянам». Именно там апостол, обращаясь к христианской общине, жившей в Риме, сказал знаменитое: «Omnis anima potestatibus sublimioribus subdita sit non est enim potestas nisi a Deo quae autem sunt a Deo ordinatae sunt». И продолжил: «Itaque qui resistit potestati Dei ordinationi resistit qui autem resistunt ipsi sibi damnationem adquirunt». В Синодальном переводе на русский язык эти строки звучат так: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божьему установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение»²². Последующие стихи этой главы тоже очень интересны, однако они более важны для обсуждения понятия «князь» или «правитель» (*princeps*)²³, тогда как ключевые для понимания «власти» вещи представлены в самых первых строках.

²² Рим. 13:1-2.²³ Об этом см. Марей 2018.

Еще одним таким фрагментом, значимым в первую очередь для восточной, греко-православной традиции, безусловно, является стих 7 из «Второго послания Павла к Фессалоникийцам», где апостол говорит: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»²⁴. Фигура «удерживающего» (греч. *κατέχων*) традиционно привлекала к себе внимание толкователей, начиная как минимум с Иоанна Златоуста. На латынь же это понятие было переведено довольно безликим, хотя и точным словосочетанием *qui tenet* и, возможно, поэтому не вызывало серьезного интереса.

²⁴ 2 Фес. 2:7.

Из текстов Ветхого Завета для уточнения сути понятия «власть» прежде всего важна первая глава книги Бытия, повествующая о сотворении мира. Следует оговорить, что речь в данном случае идет о понятии власти в максимально общем его значении. Для теории королевской власти, описания фигуры идеального правителя, с одной стороны, и тирана, с другой, в средневековой традиции привлекался широкий спектр ветхозаветных текстов, начиная с все той же книги Бытия и заканчивая псалмами Давида и книгами пророков. Разбор соответствующих фрагментов грозит увести анализ далеко в сторону, а потому я позволю себе его опустить, ограничившись первыми стихами из книги Бытия.

Но прежде чем переходить к разбору христианской концепции власти, необходимо сказать несколько слов о том, чем вообще она так важна. Почему нельзя было пользоваться понятием, разработанным внутри римского мира? Дело в том, что римляне не знали известного сейчас понятия власти или, точнее, в их культуре оно было лишено самостоятельной ценности и обладало рядом иных коннотаций, на которых стоит остановиться.

²⁵ О взаимосвязи *potestas* и *auctoritas* в римском праве см. Münscher 1907; Passerin d'Entreves 1969; Kamptz 1982; Domingo 1987, 1999; Magdelain 1990; Clemente Fernandez 2009. См. также мою недавнюю книгу и приведенную в ней библиографию (Марей 2017).

²⁶ Здесь можно сослаться на классический случай Октавиана Августа, описанный им в своей автобиографии. Об этом см. Марей 2017: 43—47.

Основными «именами власти», выработанными в рамках римской культуры (забегая вперед, замечу, что они останутся и в христианской культуре, просто изменяя свой смысл), были *potestas* — «власть-мощь» или «власть-сила», *auctoritas* — «власть-знание»²⁵, *dominium* — «власть-собственность», «власть-обладание» и, наконец, *imperium* — «власть-повеление». Наиболее известной парой являлась, безусловно, дихотомия *potestas-auctoritas*, проблематизированная еще Цицероном в диалоге «О законах», а затем папой Геласием I в знаменитом его письме императору Анастасию. Но, опуская различия, существовавшие между этими «именами власти», остановлюсь на том, что было у них общего.

Все эти понятия относились к сфере права и означали определенный тип правоотношений. В этом и была, пожалуй, наиболее важная особенность римского восприятия власти — она виделась не неким самостоятельным феноменом или сущностью, а скорее набором полномочий, определенных действующим правом. Власть ни в одном из своих обликов не могла принадлежать конкретной личности, но всегда приписывалась той или иной социальной или политической позиции (власть консула, претора или диктатора принадлежала не данному человеку, а занимаемой им позиции, магистратуре). Единственным исключением здесь может показаться *auctoritas*, но и та подразумевала наличие у ее носителя определенного социального амплуа, известного правового статуса, признаваемого другими, такими же, как он, носителями *авторитета*²⁶. Подобная *формально-правовая* природа власти предполагала предельную ее рационализацию. Существовали определенные правила и процедуры, позволявшие достичь той или иной магистратуры, получить те или иные *полномочия*. Каждый магистрат имел фиксированный срок полномочий (один год), его права были прописаны в специальных документах-инструкциях, и превышение пределов власти могло повлечь за собой уголовно-правовое обвинение.

Понятия же универсальной власти (если угодно, власти вообще) в Риме не было: достаточно вспомнить уже упоминавшегося Октавиана Августа, которому потребовалось собрать в своих руках целый «букет» магистратур, чтобы обеспечить себе полноту власти. То есть для того, для чего, скажем, средневековому монарху или понтифику хватило бы одного указа, всеильному владыке Рима пришлось несколько лет подбирать набор полномочий, дополнявших одно другое. Наконец, важен и вопрос ответственности. Любой магистрат Рима отвечал перед своими избирателями, с одной стороны, и перед всей гражданской общиной Рима — с другой. Ответственность за ненадлежащее исполнение функций или превышение полномочий могла быть как имущественной, так и телесной, но она, как и сами полномочия, во-первых, была рационализированной, во-вторых, лежала в сфере правовых отношений. На этом фоне становится более рельефной произведенная апостолом Павлом революция в понимании власти,

в результате которой «власть-полномочие», «власть — должностная обязанность» навсегда уступила место принципиально иному толкованию этого феномена.

Если внимательно прочесть первый стих 13-й главы «Послания к Римлянам», то несложно заметить, что слово «власть» в нем используется и в единственном, и во множественном числе. Это не ошибка переводчика: в латинском тексте тоже будут *potestas* и *potestates*, а в греческом, на котором Послание было составлено изначально, ἐξουσία и ἐξουσίαις. Логично предположить, что это не случайно и за разными грамматическими формами одного и того же слова скрываются разные смыслы, что «власть» и «власти» означают вещи хоть и схожие, но все же неодинаковые. К такому выводу давно пришли и комментаторы «Послания к Римлянам» (а, надо заметить, оно было и остается одним из самых популярных новозаветных текстов). Еще Иоанн Златоуст в 23-й беседе о «Послании к Римлянам» отмечал: «Первое основание такого законоположения, удовлетворяющее и правильным рассудочным доводам, состоит в том, что власти учреждены от Бога. *Ибо нет власти не от Бога*, — говорит (апостол). Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, причем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, — все это я называю делом Божьей Премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существовании власти и говорит: *Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены*»²⁷.

²⁷ Иоанн Златоуст
1903: 774.

То есть слова апостола следует понимать так, что он отделяет *власть* от *властвующих*. Со вторыми понятно, они всего лишь люди, призванные к Божьему служению, и они, как я покажу дальше, могут быть разными. Наиболее интересно здесь рассмотреть именно *власть* как таковую. Апостол не дает ей определения, но уже из анализа его текста становятся ясны некоторые базовые ее параметры. Речь идет, во-первых, о трансцендентном характере власти и, во-вторых, о власти как ответственности и выборе.

Власть, по Павлу, установлена Богом. Немного забегаю вперед, отмечу, что если в греческом и церковно-славянском текстах для этого акта установления использованы глагол и существительное повеления, приказа (τῆταγμαί and διαταγή/| в греческом; *учинены* и *повеление* в церковно-славянском), то в латинском они были переведены как *ordinare* и *ordinatio*. Эта лексическая пара, прежде всего означающая процесс и, соответственно, результат установления порядка, во многом задавала рамки понимания власти в латинской христианской традиции. Но об этом чуть позже. Пока же вернемся к тому, что источником власти, как бы ни описывать ее появление, является Бог.

²⁸ Cicero,
De leg. I. 7.23.

Христианский Бог, в отличие от божеств языческого Рима, мыслившихся, согласно Цицерону, как соседи по «единой гражданской общине богов и людей»²⁸, состоит к этому миру в принципиально ином отношении. Он сотворил этот мир и сейчас может находиться и действовать в нем, но при этом он внеположен по отношению к нему. Тем самым и власть в христианской интерпретации воспринимается как нечто трансцендентное, исходящее извне этого мира и восходящее за его пределы. Она автономна и не зависит от воли конкретных людей. С другой стороны, и это тоже важно, власть в христианстве имеет ярко выраженную ценностную окраску — она блага, так как сотворена Богом, источником всякого блага.

Далее следует отметить случайный, с человеческой точки зрения, характер передачи власти. Поскольку христианский Бог не является частью этого мира, он находится вне всякого рода договорных отношений. С ним невозможно заключить соглашение (если только он сам не выступает его инициатором, как это было в случае народа иудейского), невозможно вступить в какого бы то ни было рода реципрокные отношения. Его можно только молить о том или ином действии или эффекте, но у молящегося нет никаких гарантий, что его молитва будет просто услышана, не говоря уже о ее исполнении. В этой ситуации власть уже не может восприниматься как приз, а ее получение — как победа; напротив, она становится бременем, тяжелой ответственностью, которая ложится на ее носителя. Бременем, о котором он не просил, и ответственностью, которой он не искал. Меняется и характер ответственности — если римский магистрат, недобросовестно исполнявший свои обязанности или превысивший свои полномочия, мог подвергнуться имущественной, репутационной или, как крайний вариант, уголовной ответственности, то христианский правитель отвечал самым ценным, что у него только было, — своей душой. Причем, подчеркну, отвечал не перед людьми, избравшими его, а перед Богом, наделившим его властью.

²⁹ Рим. 13:4.

Однако за что отвечал христианский правитель? Какие обязанности налагало на него призвание к власти? Апостол кратко, но отвечает и на эти вопросы: «ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое»²⁹. То есть Павел выделяет прежде всего судебную функцию носителей власти, причем в двух ее ипостасях: поддержание правового порядка, с одной стороны, восстановление его в случае нарушений и наказание виновных — с другой.

Более развернуто назначение королевской власти (или, точнее, *королевского служения, officium regis*) оказалось прописано в текстах средневековой латинской богословской традиции. Базой для этой интерпретации послужило учение Аврелия Августина о свободном выборе (*liberum arbitrium*), перенесенное последующими богословами в политическую плоскость. Если обычный человек мог совершить свободный

выбор в пользу жизни по Богу и дальше, руководствуясь светом души и пользуясь Божественной благодатью, стать гражданином Града Божия, то король, i.e. человек, призванный к служению Божию, делал такой выбор не только за себя, но и за весь свой народ.

Суть и смысл королевского служения виделись в том, чтобы сохранять и оберегать Христову Церковь, то есть в идеале весь свой народ как общину верных, ведя его к спасению. После смерти король, по словам Исидора Севильского, должен был дать отчет Богу о состоянии в его правление Церкви, о которой он должен был печься («Cognoscant principes saeculi Deo debere se rationem propter ecclesiam, quam a Christo tuendam suscipiunt»)³⁰. И если король прошел свой путь праведно,

³⁰ *Sent. III. 51. 6.*

то за порогом этой жизни, согласно ученику Исидора Браулиону Сарагосскому, он обретает «по окончании бренного мира вечный покой, после преходящего золота — Царство Небесное, после диадемы и пурпура — горние славу и венец; более того, он никогда не перестанет быть королем, поскольку, оставив царство земное и обрета Небесное, он не утратит королевской власти, но преумножит ее»³¹. О том же писал и сам Исидор, утверждавший, что праведно правившие в миру останутся королями и в вечности («Qui intra saeculum bene temporaliter imperat, sine fine in perpetuum regnat, et de gloria saeculi huius ad aeternam transmeat gloriam»)³². Несколько веков спустя в похожем ключе высказался Фома Аквинский: «Что же Господь сделает для добрых царей, управляющих народом Божиим и сражающихся с врагами с благочестивым намерением? Ведь не земную, но вечную он предложит им награду, не в другом, но в себе самом, по словам Петра о пастырях народа Божьего: *насите Господне стадо, которое у вас, чтобы, когда явится Князь пастырей, то есть царь царей Христос, вы получили бы неувядающий венец славы. О чем говорит и Исая: будет Господь диадемой ликования и венцом славы для народа своего*»³³. Наконец, своеобразный отголосок этого тезиса прозвучал в «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли, где флорентийцам ставилось в упрек, что они «более заботились о спасении отечества, чем своей души»³⁴.

³¹ *LVis, I. 2. 6.*

³² *Sent. III. 48. 6.*

³³ *De regno, I. 8.*

³⁴ *Макиавелли 1987: III. 7.*

³⁵ *Макьявелли 2004: 713—714. Альтернативную трактовку см. Viroli 2010: 30—43.*

Ближе к концу жизни, в знаменитом письме к Франческо Веттори от 16 апреля 1527 г., этот образ был использован Макиавелли уже применительно к себе самому³⁵.

Можно заметить, что во всех приведенных текстах (кроме Макиавелли) власть монарха трактовалась как призвание к Божественному служению. Это в очередной раз подчеркивает имманентно благой характер власти в христианской теории. Власть не бывает, не может быть дурной, ибо она от Бога, а от него ничего дурного исходить в принципе не может. Дурным может оказаться правитель, но это — в чем сходятся все авторы, от Исидора Севильского до Петра Абеляра и Фомы Аквинского — будет следствием не Божественного призвания, а его собственной дурной воли. Даже в этом случае его власть все равно будет приносить благо подчиненному ему народу, хотя и несколько специфическим образом.

Все сказанное до сих пор позволяет зафиксировать особенности восприятия власти в христианской парадигме, оговорить с достаточной точностью ее основные свойства, но при этом не дает ответа на главный вопрос: что же такое власть? Она установлена Богом, но что она такое? За ответом на этот вопрос приходится обращаться уже не к Новому, а к Ветхому Завету, непосредственно к книге Бытия.

³⁶ Быт. 1:1-2.

В самых первых ее стихах, как известно, идет речь о том, что Господь сотворил небо и землю, отделил свет от тьмы и сушу от воды³⁶. По мнению ряда комментаторов, в том числе Аврелия Августина, Господь творит *нечто* из *ничего*, ибо все, что сотворено им, создано из материи, лишенной формы, но следует верить, что прежде была создана сама материя («Et ideo Deus rectissime creditur omnia de nihilo fecisse, quia etiamsi omnia formata de ista materia facta sunt, haec ipsa materia tamen de omnino nihilo facta est»³⁷). То есть акт творения есть проявление высшей возможной власти, лишенной каких бы то ни было пределов и способной создать нечто, не имея ничего перед этим. В теологии, начиная по меньшей мере с Александра Гэльского (ок. 1240 г.), для описания подобной власти использовался термин *potentia Dei absoluta*, обозначавший именно ничем не связанную и не ограниченную мощь Бога, способного сотворить нечто из ничего. Возвращаясь к Августину, отмечу, что результат Божественного творения описывается им с помощью термина *ordo* — «порядок»³⁸. Соответственно, действия Бога в сотворенном им же мире обозначались дальнейшими теологами через понятие *potentia Dei ordinata*, i.e. мощь, введенная в границы порядка, «упорядоченная мощь».

³⁷ Aug. De Gen. Contra man. 6.

³⁸ Например, в трактате «О граде Божьем» он называет мир «спокойствием порядка», а затем определяет порядок как «соположение равных и неравных вещей, дающее каждой из них свое место»: «Pax omnium rerum tranquillitas ordinis. Ordo est parium dispariumque rerum sua cuique loca tribuens dispositio» (Aug. De civ. XIX. 13).

Если, основываясь на сказанном, попытаться дать определение власти, как ее понимали в христианской традиции как минимум с Августина, то получится, что *власть есть* некая *упорядочивающая сила*. Целевой ее причиной, таким образом, будет установление порядка путем его создания, а затем поддержание его в рамках введенных ранее правил. Косвенно это подтверждается и терминологией, выбранной Евсевием Иеронимом или его помощниками для перевода на латинский язык «Послания апостола Павла к Римлянам». Как уже упоминалось, для описания власти в латинском тексте используется понятие *ordinatio Dei* («Божье установление»), а чуть раньше глагол *ordinare* употребляется, чтобы описать действие Бога по установлению властей.

При подобной трактовке становится ясно, почему на протяжении всех Средних веков в качестве двух главных прерогатив верховной власти, будь то власть короля, императора или папы, выделяли право издавать законы и вершить суд. В издании законов просматривается прямая аналогия с творением мира: законодатель так же создает *нечто* из *ничего*, как когда-то Бог сотворил мир. Ведь у каждого созданного *ordo* есть свои правила и законы, по которым он существует. Но, будучи созданными, законы требуют соблюдения, и здесь на первый план выходит деятельность по поддержанию существующего порядка и наказанию

злоумышленников, пытающихся разрушить или повредить его, то есть деятельность судьи. Светский владыка предстает здесь как «удерживающий», как тот самый *κατέχων* из «Второго послания Павла к Фессалоникийцам». Его функция — поддерживать (удерживать!) порядок, не давая восстать беззаконию. Вполне логичным в таком случае выглядит и одно из главных амплуа Христа или, точнее, одна из его основных функций — Судия. Бог-Отец выступает как *законодатель*, творец миропорядка, Бог-Сын — как *верховный правитель и судья*, обеспечивающий его функционирование. Понятной становится и обязанность правителя подчиняться своим же законам — будучи, несомненно, выше законов, как тот, кто их создает, правитель обязан им подчиняться, ибо они суть правила установленного им *порядка*, и если он хочет продолжать действовать в его рамках, то должен соотносить свои действия с теми правилами, на которых тот строится.

**Около
пустого трона**

В завершение стоит обратиться к тому, как власть трактуется в современном отечественном околополитическом и теологическом дискурсе. Здесь внимание к себе привлекают два больших, хотя и неоднородных и неравнозначных блока высказываний. С одной стороны, речь идет о политической мысли современной РПЦ и наиболее ярких ее представителей, с другой — о работах антиклерикальных авторов. В первом случае для анализа были выбраны «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»³⁹, принятые в 2000 г. Архиерейским собором РПЦ, ряд выступлений патриарха Кирилла (Гундяева) за период с 2011 г.⁴⁰ и монографический комментарий к «Посланию апостола Павла к Римлянам», составленный председателем отдела внешних церковных связей Московского патриархата, викарием Патриарха Московского и всея Руси митрополитом Волоколамским Иларионом (Алфеевым)⁴¹; во втором — статья Владислава Иноземцева, опубликованная в «Огоньке» в 2011 г.⁴², и нашумевший фильм Андрея Звягинцева «Левиафан» 2014 г.

Больше всего материала для размышлений представляют, несомненно, «Основы социальной концепции РПЦ» — хотя бы в силу того, что это программный документ, содержащий не личный взгляд того или иного прелата или богослова, а согласованную общую позицию всей Церкви. Раздел III «Основ» озаглавлен «Церковь и государство» и посвящен отношению Церкви к власти. Даже при беглом прочтении этого раздела бросается в глаза, что его авторы полностью отождествляют понятия «власть» и «государство», то есть, используя терминологию Павла из «Послания к Римлянам», «власть» и «власти». Само это «Послание» становится в «Основах» текстом о повиновении *государственной* власти, а государство начинает мыслиться как институт, существовавший практически повсюду как минимум с эпохи Судей. При этом в документе несколько раз настойчиво подчеркивается светский характер государства. Его авторы даже заявляют, что

³⁹ *Основы 2000.*

⁴⁰ *Кирилл 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019.*

⁴¹ *Иларион 2018.*

⁴² *Иноземцев 2011.*

«христиане должны уклоняться от абсолютизации власти, от непризнания границ ее чисто земной, временной и преходящей ценности, обусловленной наличием в мире греха и необходимостью его сдерживания»⁴³. Взгляд этот можно было бы назвать вполне августинианским, если бы не одно «но». Если допустить, что в приведенной цитате речь идет не о государстве, а о самой власти, получится, что Бог установил на земле нечто «чисто земное, временное и преходящее», в чем видится некое противоречие.

⁴³ *Основы 2000: III.2.*

Еще одно любопытное суждение, утверждающее неразрывную связь власти (на этот раз именно власти) и веры, содержится в п. 7 рассматриваемого раздела. При наличии сильной веры, говорится там, власть может действовать, опираясь не на принуждение, а на авторитет. В качестве примера приводится правление судей Израильских, закончившееся установлением царской власти, что, по словам авторов «Основ», свидетельствовало об уменьшении веры — «отчего и возникла потребность заменить Царя Незримого царем видимым»⁴⁴. Соответственно, современные демократии уже просто представляют собой «форму власти в секулярном обществе»⁴⁵. Это утверждение отчасти снимает отмеченное мною выше противоречие, помогая понять логику составителей «Основ».

⁴⁴ *Там же: III.7.*

⁴⁵ *Там же.*

Вместе с тем неизменным остается главное: для авторов документа понятие «власть», по всей видимости, полностью идентично понятию «государство» или, шире, «политическая власть». Власти самой по себе для них как бы не существует. Это можно оправдать тем, что «Основы» ориентированы на практику и решают не богословские, а принципиально иные задачи. Допустим. Но тогда логично ожидать рассуждений о власти в текстах теоретического, богословского характера, каковым является, например, комментарий митрополита Илариона (Алфеева) к «Посланию к Римлянам апостола Павла». Однако ожидания и здесь оказываются обмануты. Иларион совершенно осознанно отождествляет «власть» и «власти» в тексте Павла, снимая разделение власти и властвующего, отмеченное еще Иоанном Златоустом. По его мнению, апостол ведет речь исключительно о повиновении гражданской власти и не более того: «Иными словами, повиноваться власти — не только гражданский долг, но и религиозная обязанность. Павел говорит об этом с особенной настойчивостью, по сути повторяя одну и ту же мысль четыре раза: всякая душа да будет покорна властям; нет власти не от Бога; существующие власти от Бога установлены; противящийся власти противится Божию установлению. Это характерный для Павла прием: когда он хочет особенно подчеркнуть мысль, он излагает ее несколько раз в разных формах»⁴⁶.

⁴⁶ *Иларион 2018: 183.*

Наконец, перейду к выступлениям патриарха Кирилла. Здесь ситуация настолько удивительна, что на ней стоит остановиться особо. На восемь рассмотренных мною выступлений приходится всего семь упоминаний слова «власть», причем все они используются контекстно,

в значении властных структур того или иного государства (чаще всего, разумеется, российского). О власти вообще предстоятель Русской православной церкви не говорит совсем, на «Послание к Римлянам» не ссылается. Не упоминает он и о духовной власти, что создает впечатление ее отсутствия.

Таким образом, напрашивается вывод, что официальные лица Церкви предпочитают темы власти не касаться, в разговоры о природе власти не вступать. Аргументативная база, предоставляемая Новым и Ветхим Заветами, используется ситуативно и только для того, чтобы еще раз подчеркнуть лояльность Церкви государству. Серьезных богословских выступлений на темы власти со стороны «среднего звена» Церкви зафиксировать тоже не удалось. Практически молчат на эту тему и богословы.

Однако, как гласит известная пословица, «свято место пусто не бывает». Если Церковь молчит о власти, то за нее начинают говорить ее противники. И в этом плане очень показательны оба упомянутых выше высказывания — статья Иноземцева и «Левиафан» Звягинцева.

Хотя статья Иноземцева озаглавлена «Власть от Бога, Бог от власти», основное ее содержание составляют нападки на Церковь как на хозяйствующий субъект и критика стремления РПЦ монополизировать духовную и религиозную жизнь в стране. Суждениям более или менее общего характера в ней посвящен лишь результирующий абзац, смысл которого сводится к тому, что христианство уже давно «оставило ретроградом мысль о божественности власти»⁴⁷, причем в подтверждение приводится пространная цитата из «самого известного теоретика» христианства Фомы Аквинского, которую практически невозможно идентифицировать⁴⁸.

В «Левиафане» мысль о божественном характере власти повторяется дважды: один раз ее наставительно проговаривает губернатору его «придворный епископ», изображенный совершенно карикатурно; другой раз она же, со ссылкой на книгу Иова, звучит в изложении приходского священника, разговаривающего с главным героем фильма. В первом случае благодаря специфическому подбору изобразительного ряда (архиерей цитирует Павла, сидя за богатым столом, выпивая и закусывая) эта мысль вызывает у зрителя отвращение. Второе высказывание нагоняет тоску и безнадежность — благодаря все тому же изобразительному ряду и интонации, с которой произносятся фразы из Священного Писания. Цель режиссера совершенно понятна — он стремится показать Церковь как косный институт, тормозящий всякое развитие и губящий страну. И, надо сказать, ему это прекрасно удается, даже лучше, чем Иноземцеву, с той же целью принявшемуся за свою статью. Идея власти не волнует ни того ни другого, но используется как жупел и тем и другим.

В заключение отмечу, что РПЦ стоило бы активизировать свои интеллектуальные усилия на ниве политического богословия. Теология возвращается в наш мир, хотим мы того или нет, и с этим приходится

⁴⁷ Иноземцев 2011.

⁴⁸ Мои попытки установить, откуда эта цитата, успехом не увенчались. Все ссылки ведут лишь к републикациям статьи того же Иноземцева.

⁴⁹ *Альтернативный, хотя и во многом схожий взгляд на сложившуюся ситуацию см. Каспэ 2018.*

считаться⁴⁹. Можно продолжать корчиться безязыкими в новых реалиях, говорить на стремительно устаревающем языке Просвещения, представлять себе религию и Церковь как нечто ретроградное и тянущее нас назад. А можно понять, что Церковь здесь уже тысячу лет и никуда не денется ни завтра, ни послезавтра. Понять и научиться с этим жить и использовать тот потенциал, который может нам дать теология. Главная проблема в том, что понять это надо прежде всего иерархам самой РПЦ.

Библиография

- Аникевич А.Г. (1986) *Политическая власть: вопросы методологии исследования*. Красноярск: Изд-во Красноярского университета.
- Ауров О.В. (2017) «О варварском и римском в характере королевской власти у вестготов (V — середина VI века)» // Ауров О.В. и Е.С.Марей, ред. *Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы*. М: Дело: 25—75.
- Бессмертный Ю.Л. (1995) «Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории представления о власти» // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука: 4—19.
- Бойцов М.А. (1995) «Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV—XV вв.)» // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука: 37—66.
- Бойцов М.А. (2003) «Власть правителя» // Гуревич А.Я., ред. *Словарь средневековой культуры*. М: РОССПЭН: 78—91.
- Бойцов М.А. (2009) *Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе*. М: РОССПЭН.
- Бурлацкий Ф.М. (1983) «Власть» // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Гвоздкова Т. А. (1990) *Политическая власть как объект социально-философского анализа*. Дисс. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова.
- Голосов Г.В. (2001) *Сравнительная политология: Учебник*. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Иларион. (2018) *Благодать и Закон: Толкование на Послание апостола Павла к Римлянам*. М.: Познание.
- Иноземцев В.Л. (2011) «Власть — от Бога, Бог — от власти» // *Огонек*, № 26: 18. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1668439> (проверено 17.04.2019).
- Иоанн Златоуст. (1903) «Беседы на Послание к Римлянам» // *Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе*. Т. 9. Кн. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии: 773—783.
- Каспэ С. И. (2018) «Заговор молчания: сопряжения сакрального и политического в дискурсивных практиках современной России» //

Социологическое обозрение, т. 17, № 2: 9–38. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2018/06/30/1153085177/SocOboz_17_2_9-38_Kaspe.pdf (проверено 17.04.2019).

Кейзеров Н. М. (1973) *Власть и авторитет: Критика буржуазных теорий*. М: Юридическая литература.

Кирилл. (2011) *Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XV Всемирного русского народного собора*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1495312.html> (проверено 17.04.2019).

Кирилл. (2012) *Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVI Всемирного русского народного собора*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2502163.html> (проверено 17.04.2019).

Кирилл. (2013) *Слово Святейшего Патриарха Кирилла на XVII Всемирном русском народном соборе*. URL: <https://vrns.ru/documents/76/2366> (проверено 14.04.2019).

Кирилл. (2014) *Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (проверено 17.04.2019).

Кирилл. (2015) *Слово Главы ВРНС, Святейшего Патриарха Кирилла на XIX Всемирном русском народном соборе*. URL: <https://vrns.ru/documents/80/4218> (проверено 14.04.2019).

Кирилл. (2016) *Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном русском народном соборе*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html> (проверено 17.04.2019).

Кирилл. (2017) *Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (проверено 17.04.2019).

Кирилл. (2018) *Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXII Всемирного русского народного собора*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295249.html> (проверено 17.04.2019).

Кирилл. (2019) *Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте, посвященном 10-летию Поместного Собора и интронизации Его Святейшества*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364415.html> (проверено 17.04.2019).

Крадин Н.Н. (2004) *Политическая антропология*. М: Логос.

Куббель Л.Е. (1988) *Очерки потестарно-политической этнографии*. М: Наука.

Ледяев В.Г. (2001) *Власть: концептуальный анализ*. М: РОССПЭН.

Макиавелли Н. (1987) *История Флоренции*. М.: Наука.

Макьявелли Н. (2004) *Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма*. М.: Пушкинская библиотека, АСТ.

Марей А.В. (2017) *Авторитет, или Подчинение без насилия*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Марей А.В. (2018) «О князьях и государях» // *Полития*, № 3 (90): 50–73. URL: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-50-73> (проверено 17.04.2019).

Мельвиль А.Ю., Т.А.Алексеева, К.П.Боришполец, М.В.Ильин, М.Г.Миронюк, А.И.Соловьев и А. А.Чанышев. (2004) *Политология: Учебник*. М.: МГИМО.

Осадчий Н.И. (1983) Социально-философский анализ власти как общественного явления. Дисс. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. (2000) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (проверено 17.04.2019).

Плотникова О.В. (1996) *Власть и формы ее проявления*. Уссурийск: Изд-во УГПИ.

Ушаков Д.Н., ред. (1935) *Толковый словарь русского языка*. Т. 1. М.: Советская энциклопедия.

Филиппов А.Ф. (2016а) *Власть: Краткий очерк теории*. Рукопись.

Филиппов А.Ф. (2016б) «Итоги и перспективы. Власть и вирус власти: претензия „быть“ всегда» // *Гептер*, 24.04. URL: <http://gefter.ru/archive/18293> (проверено 17.04.2019).

Халипов В.Ф. (1997) *Власть: Кратологический словарь*. М.: Республика.

Хомелева Р.А. (1996) *Природа политической власти*. СПб.: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов.

Шпак В.Ю. (2010) «Власть» // *Политология: Словарь*. М.: РГУ.

Вус Р. (1994) *L'ambiguïté du livre: Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age*. Paris: Beauchesne.

Clemente Fernandez A.I. (2009) *El significado unitario del termino auctoritas en sus orígenes*. Tesis doctoral. Toledo: Castilla La Mancha.

Costa P. (1969) *Iurisdicchio: Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100—1433)*. Milano: Giuffrè editore.

Dahl R. (1957) «The Concept of Power» // *Behavioral Science*, vol. 2, no. 3: 201—215. URL: http://library.aceondo.net/ebooks/HISTORY/The_Concept_of_Power.pdf (accessed 17.04.2019).

Domingo R. (1987) *Teoría de la «auctoritas»*. Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra.

Domingo R. (1999) *Auctoritas*. Barcelona: Ariel.

Kamptz H. von. (1982) «Potestas» // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. X. Part 2. Leipzig: Teubner: 300—321.

Magdelain A. (1990) *Ius. Imperium. Auctoritas. Etudes du Droit Romain*. Roma: École Française de Rome.

Münscher K. (1907) «Auctoritas» // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. VII. Leipzig: Teubner: 1213—1234.

Passerin d'Entreves A. (1969) *The Notion of the State: An Introduction to Political Theory*. Oxford: Clarendon Press.

Viroli M. (2010) *Machiavelli's God*. Princeton: Princeton University Press.

Weber M. (1985) *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr.

ΦΕΛΟΣ

A.V.Marey

ABOUT GOD AND HIS VICARS: CHRISTIAN CONCEPT OF POWER

Alexander V. Marey — Ph.D. in Law; Associate Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow); Visiting Lecturer at the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).
Email: fijodalgo@gmail.com.

Abstract: The article examines the concept of power, developed in the framework of the Christian theology of the late Antiquity and the Middle Ages. Having analyzed the peculiarities of the modern discourse on power, the author comes to the conclusion that representatives of all branches of the Russian humanitarian knowledge consider power only within the framework of volitional theory. He sees an alternative to this theory in the concept of power as a force that brings order developed in the Christian theology. For Christians, beginning at least with the Apostle Paul, power has a transcendental nature, since it is established by God and comes directly from him, and for the same reason it is always a blessing. The unpredictable transfer of power from God to a ruler and unpredictability of God's decision make power a burden that one cannot refuse to assume rather than a desirable prize. The duty of a ruler is to take care of the soul of his people and lead his people step by step towards salvation. The reward for this is the eternal blessing that the monarch who rules righteously gains after death. The final part of the article gives a brief overview of the theological discourse on power in modern Russia. On the basis of the analysis of the Patriarch's messages to the World Russian People's Council, "A Commentary on St. Paul's Epistle to the Romans", written by Metropolitan Hilarion (Alfeev), as well as a number of other sources, the author shows that over the past eight years, the hierarchs of the Church completely abandoned the topic of "power" so that the very term "power" almost disappeared from their speeches, and if any, it is used as a synonym for the concepts of "state" or "state power". The anticlerical authors, on the contrary, try to appropriate and distort the apostolic statements about power, attributing to the Church wrong intentions and narratives.

Keywords: Church, power, authority, state, Augustine, Apostle Paul, John Chrysostom

References

Anikevich A.G. (1986) *Politicheskaja vlast': voprosy metodologii issledovanija* [The Political Power: Questions of Research Methodology]. Krasnojarsk: Izd-vo Krasnojarskogo universiteta. (In Russ.)

Aurov O.V. (2017) “O varvarkom i rimskom v kharaktere korolevskoj vlasti u vestgotov (5 — sredina 6 veka)” [On the Barbarian and Roman in the Character of Royal Power in the Visigothic Kingdoms (from the 5th to the Middle the 6th Century)] // Aurov O.V. and E.S.Marey, eds. *Teologija i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (5 — nachalo 8 v.): Issledovanija i perevody* [Theology and Politics: Power, the Church and Text in the Visigothic Kingdoms (from the 5th to the Early 8th Century): Studies and Translations]. Moscow: Delo: 25—75. (In Russ.)

Bessmertnyj Ju.L. (1995) “Nekotorye soobrazhenija ob izuchenii fenomena vlasti i o kontseptsijakh postmodernizma i mikroistorii predstavljenija o vlasti” [Some Considerations on the Study of the Phenomenon of Power and on the Perceptions of Power in the Conceptions of Postmodernism and Microhistory] // *Odissej: Chelovek v Istorii* [Odysseus: Man in History]. Moscow: Nauka: 4—19. (In Russ.)

Bojcov M.A. (1995) “Skromnoe obajanie vlasti (K obliku germanskikh gosudarej 14—15 vv.)” [Discreet Charm of Power: On the Appearance of Germanic Princes of the 14th — 15th Centuries] // *Odissej: Chelovek v Istorii* [Odysseus: Man in History]. Moscow: Nauka: 37—66. (In Russ.)

Bojcov M.A. (2003) “Vlast' pravitelja” [The Ruler's Authority] // Gurevich A.Ja., ed. *Slovar' srednevekovoj kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN: 78—91. (In Russ.)

Bojcov M.A. (2009) *Velichie i smirenije: Ocherki politicheskogo simbolizma v srednevekovoj Evrope* [Majesty and Humility: Studies in Medieval European Political Symbolism]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Buc P. (1994) *L'ambiguïté du livre: Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age*. Paris: Beauchesne.

Burlatsky F.M. (1983) “Vlast'” [Authority] // *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija (In Russ.)

Clemente Fernandez A.I. (2009) *El significado unitario del termino auctoritas en sus orígenes*. Tesis doctoral. Toledo: Castilla La Mancha.

Costa P. (1969) *Iurisdictio: Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100—1433)*. Milano: Giuffrè editore.

Dahl R. (1957) “The Concept of Power” // *Behavioral Science*, vol. 2, no. 3: 201—215. URL: http://library.acecondo.net/ebooks/HISTORY/The_Concept_of_Power.pdf (accessed 17.04.2019).

Domingo R. (1987) *Teoría de la “auctoritas”*. Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra.

Domingo R. (1999) *Auctoritas*. Barcelona: Ariel.

Filippov A.F. (2016a) *Vlast': Kratkij ocherk teorii* [Power: A Brief Outline of Its Theoretical Comprehension]. Manuscript. (In Russ.)

Filippov A.F. (2016b) “Itogi i perspektivy. Vlast' i virus vlasti: pretenzija „byt'“ vseгда” [Results and Perspectives. The Power and the Power Virus: the Claim for Eternal Existence] // *Gefter*, 24.04. URL: <http://gefter.ru/archive/18293> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Golosov G.V. (2001) *Sravnitel'naja politologija: Uchebnik* [Comparative Political Science]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Gvozdkova T.A. (1990) *Politicheskaja vlast' kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza* [Political Power as an Object of the Socio-Philosophical Analysis]. Ph.D. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Halipov V.F. (1997) *Vlast': Kratologicheskij slovar'* [The Power: Cratological Dictionary]. Moscow: Respublika. (In Russ.)

Hilarion. (2018) *Blagodat' i Zakon: Tolkovanie na Poslanie apostola Pavla k Rimljanam* [The Grace and the Law: A Commentary on St.Paul's Epistle to the Romans]. Moscow: Poznanie. (In Russ.)

Homeleva R.A. (1996) *Priroda politicheskoi vlasti* [The Nature of Political Power]. St Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov. (In Russ.)

Inozemtsev V.L. (2011) "Vlast' — ot Boga, Bog — ot vlasti" [The Power Is from God, God Is from the Power] // *Ogonyok Magazine*, no. 26: 18. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1668439> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kamptz H. von. (1982) "Potestas" // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. X. Part 2. Leipzig: Teubner: 300—321.

Kaspe S.I. (2018) "Zagovor molchanija: soprjazhenija sakral'nogo i politicheskogo v diskursivnykh praktikakh sovremennoj Rossii" [A Conspiracy of Silence: Interfaces of the Sacred and the Political in the Discursive Practices of Modern Russia] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 17, no. 2: 9—38. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2018/06/30/1153085177/SocOboz_17_2_9-38_Kaspe.pdf (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kejzerov N.M. (1973) *Vlast' i avtoritet: Kritika burzhuaznykh teorij* [Power and Authority: A Critique of Bourgeois Theories]. Moscow: Juridicheskaja literatura. (In Russ.)

Kirill. (2011) *Vystuplenie Svjatejshego Patriarkha Kirilla na otkrytii XV Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Patriarch Kirill's Message to the 15th World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1495312.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2012) *Vystuplenie Svjatejshego Patriarkha Kirilla na otkrytii XVI Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Patriarch Kirill's Message to the 16th World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2502163.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2013) *Slovo Svjatejshego Patriarkha Kirilla na XVII Vsemirnom russkom narodnom sobore* [Patriarch Kirill's Message to the 17th World Russian People's Council]. URL: <https://vrns.ru/documents/76/2366> (accessed 14.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2014) *Slovo Svjatejshego Patriarkha Kirilla na otkrytii XVIII Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Patriarch Kirill's Message to the 18th World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2015) *Slovo Glavy VRNS, Svjatejshego Patriarkha Kirilla na XIX Vsemirnom russskom narodnom sobore* [Patriarch Kirill's Message to the 19th World Russian People's Council]. URL: <https://vrns.ru/documents/80/4218> (accessed 14.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2016) *Doklad Svjatejshego Patriarkha Kirilla na XX Vsemirnom russskom narodnom sobore* [Patriarch Kirill's Message to the 20th World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2017) *Slovo Svjatejshego Patriarkha Kirilla na otkrytii XXI Vsemirnogo russskogo narodnogo sobora* [Patriarch Kirill's Message to the 21st World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2018) *Slovo Svjatejshego Patriarkha Kirilla na otkrytii XXII Vsemirnogo russskogo narodnogo sobora* [Patriarch Kirill's Message to the 22nd World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295249.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kirill. (2019) *Vystuplenie Svjatejshego Patriarkha Kirilla na torzhestvennom akte, posvjashchennom 10-letiju Pomestnogo Sobora i intronizatsii Ego Svjatejshestva* [Patriarch Kirill's Speech at the Solemn Ceremony in Honor of the 10th Anniversary of Church Council and His Holiness Enthronement]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364415.html> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Kradin N.N. (2004) *Politicheskaja antropologija* [Political Anthropology]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Kubbel L.E. (1988) *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* [Studies in Political Anthropology]. Mjscow: Nauka. (In Russ.)

Lediaev V.G. (2001) *Vlast': kontseptual'nyj analiz* [Power: a Conceptual Analysis]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Machiavelli N. (1987) *Istorja Florentsii* [Istorie Florentine]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Machiavelli N. (2004) *Sochinenija istoricheskie i politicheskie. Sochinenija khudozhestvennye. Pis'ma* [Historical and Political Works. Works of Fiction. Letters]. Moscow: Pushkinskaja biblioteka, AST. (In Russ.)

Magdelain A. (1990) *Ius. Imperium. Auctoritas. Etudes du Droit Romain*. Roma: École Française de Rome.

Marey A.V. (2017) *Avtoritet, ili Podchinenie bez nasilija* [Authority, or Submission without Violence]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Marey A.V. (2018) "O knjaz'jakh i gosudarjakh" [About Princes and Sovereigns] // *Politeia*, no. 3 (90): 50—73. URL: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-50-73> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)

Melville A.Ju., T.A.Alekseeva, K.P.Borishpolets, M.V.Ilyin, M.G.Mironyuk, A.I.Soloviev, and A.A.Chanyshev. (2004) *Politologija: Uchebnik* [Political Science]. Moscow: MGIMO. (In Russ.)

Münscher K. (1907) "Auctoritas" // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. VII. Leipzig: Teubner: 1213—1234.

- Osadchy N.I. (1983) *Sotsial'no-filosofskij analiz vlasti kak obshchestvennogo javlenija* [Socio-Philosophical Analysis of Power as a Social Phenomenon]. Ph.D. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Osnovy sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi* [The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. (2000) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (accessed 17.04.2019). (In Russ.)
- Passerin d'Entreves A. (1969) *The Notion of the State: An Introduction to Political Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Plotnikova O.V. (1996) *Vlast' i formy ee projavlenija* [Power and Forms of Its Manifestation]. Ussurijsk: Izd-vo UGPI. (In Russ.)
- Shpak V.Ju. (2010) “Vlast’” [Power] // *Politologija: Slovar'* [Dictionary of Political Science]. Moscow: RGU. (In Russ.)
- St. John Chrysostom. (1903) “Besedy na Poslanie k Rimljanam” [Homilies on the Epistle to the Romans] // *Tvorenija svjatago ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode* [The Works of St. John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in the Russian Translation]. Vol. 9. Book 2. St Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskoj dukhovnoj akademii: 773—783. (In Russ.)
- Ushakov D.N., ed. (1935) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija. (In Russ.)
- Viroli M. (2010) *Machiavelli's God*. Princeton: Princeton University Press.
- Weber M. (1985) *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr.